

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:

*М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Плунгян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова*

Я410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алетейя, 2014. – 680 с.

ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44

ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

ISBN 978-5-90670-514-3

9 785906 705143

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СКЛОНЕНИЯ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ¹

ВВЕДЕНИЕ

Падежные системы адыгских языков — адыгейского и кабардино-черкесского (кабардинского) — не отличаются богатством граммем и грамматических форм и не получили столь глубокого освещения, как дагестанские, см. Kibrik 1991; Кибрик 2003. Тем не менее, в адыгском склонении представлен ряд как собственно морфологических, так и семантико-синтаксических явлений, нетривиальных и с типологической, и с теоретической точек зрения.

В описательной и сопоставительной литературе по адыгским языкам именно словоизменение описано весьма подробно, см. в первую очередь Кумахов 1971: 59–169, а также более ранние работы Шагиров 1961 и Таов 1967; см. также монографию Зекох 1969 о падежной системе адыгейского языка. Напротив, в теоретической и типологической литературе особенности адыгского склонения практически не рассматривались; исключением является написанная в рамках структуралистского подхода статья Kuipers 1962 о падежной системе кабардино-черкесского языка.

В данной статье, которая призвана заполнить эту лауну, речь пойдёт лишь о морфологических аспектах структуры адыгских падежных систем, а особенности функционирования падежных граммем будут рассматриваться лишь постольку, поскольку они оказываются релевантными для основной проблематики работы. Моей задачей при этом является как представление известных адыговедам фактов, так и демонстрация их нетривиального характера, в частности, описательных проблем, которые они ставят перед популярными ныне формальными морфологическими теориями.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДЫГСКИХ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Общие принципы морфологического устройства и функционирования падежных систем являются едиными для обоих адыгских языков (см., например, Кумахов 1971: 59–169). Практически во всех современных описаниях выделяются четыре падежных граммемы: абсолютив (традиционное название — именительный), обликвус или кос-

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований, грант № А23, и проекта Минобрнауки РФ 14.В37.21.1004 «Модели падежной грамматики и естественный язык». Данная работа была представлена в качестве доклада на II школе-конференции «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (Институт языкознания РАН, Москва, сентябрь 2013 г.). Я благодарю Ю. А. Ландера за замечания к первоначальному тексту статьи и за помощь в сборе недостающего материала, а также Я. Г. Тестельца за ряд ценных комментариев.

венный падеж (традиционное название — эргатив), инструменталис (традиционное название — творительный) и адвербиалис (традиционное название — обстоятельственный или «превратительный»)². В ряде работ, в частности, в монографии Зекох 1969, постулируется ещё более обширная парадигма, однако эти предложения носят скорее спекулятивный характер и не получили распространения, как и терминологические предложения Н. Т. Гишева, см. Гишев 2008а, 2008б: 91. В табл. 1 приведены основные показатели падежей в адыгейском и кабардинском литературном языках³.

Таблица 1. Адыгские падежные показатели

	Адыгейский	Кабардинский
ABS		-r (-p)
OBL		-m (-m)
INS		-ç'e (-кIэ)
ADV	-ew (-эу)	-we (-уэ) ~ -w (-у)

Все падежные показатели в адыгских языках относятся к классу морфем, которые Р. Смеетс (см. Smeets 1984) назвал «окончаниями» (endings) — морфемами, располагающимися на правой периферии словоформы за пределами выделяющейся по ряду морфонологических и просодических критериев «основы», в противоположность входящим в основу суффиксам (об этом см., в частности, Ландер 2012: 102–108). В именной группе вершинное имя в сочетании с модифицирующими его прилагательными и некоторыми кванторными выражениями формирует фактически единую словоформу (так называемый «именной комплекс», о структуре которого см. Аркадьев и др. 2009: 50–51; в примерах образующие именной комплекс лексические основы будут разделяться знаком =), так что падежные показатели присоединяются справа к всему именному комплексу, ср. пример (1).

адыгейский литературный язык

- (1) хэгъэгү Юфышхохэр
хекег^wэ=ʔ^wефэ=šx^wе-хе-г
 страна=дело=большой-PL-ABS

‘большие государственные дела’ (ТК: 194)

Важнейшая особенность адыгского склонения, вообще говоря, находящаяся за пределами основного рассмотрения настоящей работы, но несмотря на это требующая некоторого обсуждения, — обусловленность формального выражения абсолютного и косвенного падежей референциальными и грамматическими признаками именной группы, а также лексическим классом имени. Во-первых, личные местоимения-локуторы вообще не присоединяют показатели абсолютива и обликвуса⁴, а присоединение последних к именам собственным факультативно и нерегулярно. Во-вторых, в адыгейском языке

² Статус адвербиалиса как падежной граммемы *sensu stricto* не вполне очевиден, поскольку основная её функция — формирование вторичного или зависимого предиката, а не выражение чисто именных ролей, так что некоторые исследователи, например, А. К. Шагиров (Шагиров 1961: 51; 2001) предпочитают рассматривать её как форму деепричастия, производного от имени статического глагола. Впрочем, в свете слабого противопоставления имён и глаголов в адыгских языках (см. Lander, Testelets 2006; Ландер 2012: 165–185) трактовка формы адвербиалиса как глагольной имеет очень слабую объяснительную силу и скорее усложняет описание.

³ Здесь и далее примеры, словоформы и показатели литературных адыгейского и кабардино-черкесского языков приводятся как в транскрипции, так и в принятой орфографии.

⁴ За исключением редких случаев, когда личное местоимение зависит от послелога, см. Ландер 2012: 80.

и его диалектах употребление показателей абсолютива и косвенного падежей как правило не допускается в именных комплексах, содержащих префиксы принадлежности; в кабардинском литературном языке и в ряде его диалектов такого ограничения нет.

В-третьих, употребление показателей абсолютива и обликвуса при нарицательных именах без показателей принадлежности связано с (не)референтностью или (не)определённостью именной комплекс: в общем случае отсутствие падежного показателя имплицитно подразумевает неопределённость или нереперентность, в то время как оформленный падежным показателем именной комплекс в норме интерпретируется как определённый или по крайней мере референтный (подробнее см. об этом статью Я. Г. Тестельца в настоящем сборнике, а также Халбад 1975; Гишев 2008б; Аркадьев и др. 2009: 51–52; Ландер 2012: 78–79). С противопоставлением по определённости обычно связывается и обязательность употребления окончаний абсолютива и косвенного падежа в формах множественного числа, выражающегося показателем *-xe*, — такие формы выражают референтные множества объектов. Ср. следующие примеры из адыгейского языка и из бесленеевского диалекта кабардинского языка.

адыгейский литературный язык

- (2) а. Зэгорэм Адыгэ хэкум лы цлэрыуитлу исыгъэу къаложьы.

ze-g^were-m adəye=xek^wə-m λə=çe.rə.ʔ^w-jə-ʔ^w
раз-некий-OBL адыг=область-OBL мужчина=известный-LNK-два

jə-sə-k-ew q-a-ʔ^we-ž'ə.
LOC-сидеть-PST-ADV DIR-3PL.ERG-говорить-RE

‘Рассказывают, что когда-то в Адыгейской области жили двое известных мужчин.’ (неопределённая ИГ)

- б. А литлум ящитхурэ ядаушрэ чыжьэу луштыгъэ.

a λ-jə-ʔ^wə-m ja-š'ətχ^w-re ja-dawəš-re
TOT мужчина-LNK-два-OBL 3PL.PR+POSS-слава-COORD 3PL.PR+POSS-похвала-COORD

č'əž'-ew ʔ^wə-š'ət-ke.
далекий-ADV распространяться-IPF-PST

‘Слава и хвала тех двух мужчин распространялись далеко.’ (определённая ИГ) (ТК: 194)

бесленеевский диалект кабардинского языка (собственные полевые данные)

- (3) а. *g^wə.ɟawe sabjə-xe-r txəl zer-je-mə-ž'e-xe-r.*

обида ребёнок-PL-ABS книга REL.FCT-DAT-NEG-читать-PL-ABS

‘Жаль, что дети не читают книг.’ (нереперентная ИГ)

- б. *dəw^wase twəč'anə-m sə-k^we-rjə, txəl-xe-r ɟe-s-š'ex^w-a.*

вчера магазин-OBL 1SG.ABS-идти-CNV книга-PL-ABS DIR-1SG.ERG-купить-PST

‘Вчера я пошёл в магазин и купил книги.’ (референтная неопределённая ИГ)

Зависимость выражения падежей от референтного статуса именной группы трактуется в адыговедении по-разному. Наиболее распространённой, по-видимому, является представленная во многих грамматиках (ср., например, Рогава, Керашева 1966: 61–61; Кумахов (ред.) 2006: 92–94) точка зрения о противопоставлении так называемых «определённого» и «неопределённого» склонений и о том, что показатели абсолютива *-r* и обликвуса *-m* синкретично выражают значения падежа и определённости (референтности). Несколько иную трактовку предлагает М. А. Кумахов, см. Кумахов 1971: 65–67 и след., согласно которому показатели *-r* и *-m* выражают только «артикле-

вые функции» и «не относятся к сфере падежей» (критику обоих подходов см. в работе Гишев 2008б). Здесь будет принята традиционная точка зрения на соотношение падежных окончаний и референтности/определённости, не требующая усложнения описания (ведь если показатели *-r* и *-m* суть «артикли», то необходимо включить в грамматику дополнительное правило, регулирующее их распределение относительно синтаксических контекстов, т. е., фактически, падежей) и согласующаяся с хорошо известными из типологии обобщениями относительно падежной (не)оформленности и референциального статуса (см., например, Comrie 1979; Bossong 1985).

Противопоставление «определённого» и «неопределённого» типов склонения релевантно не только для абсолютива и обликвуса, но и для других падежей, по крайней мере, для инструменталиса, поскольку инструменталис от определённых/референтных имён образуется путём присоединения окончания *-č'e* к окончанию косвенного падежа (при этом, вообще говоря, противопоставление форм инструменталиса на *-č'e* и на *-m-č'e* не сводится к чистой детерминации, см. Кузнецова, Сердобольская 2009), что может рассматриваться как «вырожденная» параллель к хорошо представленному в языках Дагестана «двухъярусному» склонению. Для литературного кабардинского языка постулируется также противопоставление определённого и неопределённого вариантов адвербиалиса (см., например, Кумахов (ред.) 2006: 95), однако определённый адвербиалис, в подтверждение упоминавшейся выше идеи А. К. Шагирова о «глагольном» характере этой формы, образуется от сочетания имени (без падежных показателей) со связочным элементом *-ra*.

Таким образом, «идеальная» падежная парадигма адыгских нарицательных имён имеет вид, представленный в табл. 2 (без учёта адвербиалиса).

Таблица 2. «Идеальная» парадигма адыгского склонения

	«определённые»		«неопределённые»
	SG	PL	
ABS	<i>-r</i>	<i>-xe-r</i>	∅
OBL	<i>-m</i>	<i>-xe-m</i>	
INS	<i>-m-č'e</i>	<i>-xe-m-č'e</i>	<i>-č'e</i>

Основным объектом дальнейшего рассмотрения будут различные отклонения от продемонстрированного в табл. 2 «идеала», встречающиеся в адыгских идиомах, в первую очередь в литературном адыгейском языке и лежащем в его основе темиргоевском диалекте, а также в литературном кабардинском языке и в его бесленеевском диалекте. Материал почерпнут как из существующих описаний или опубликованных текстов (в том числе текстах в интернете), так и из собственных полевых материалов автора.

2. КУМУЛЯЦИЯ ПАДЕЖА И ЧИСЛА В АДЫГЕЙСКОМ

Комбинация граммем множественного числа и косвенного падежа в адыгейском языке может выражаться, наряду с агглютинативным (морфологически и функционально аддитивным) комплексом морфем *-xe* PL и *-m* OBL, также единым кумулятивным окончанием *-me^s*, которое при этом может выступать и как единственное средство выражения этих граммем, и присо-

⁵ Данный показатель представлен также в ряде кабардинских диалектов — в терском (см. Куашева 1969: 136), кубанском (Кумахов 1969: 204) и баксанском (Мамрешев 1969: 259–261), — однако он выступает везде как алломорф косвенного падежа и нигде не выражает значения множественного числа.

единяться к показателю множественного числа *-хе*. Тем самым, одна комбинация граммем имеет в адыгейском языке три различных способа выражения: аддитивный *-хе-т*, кумулятивный *-те* и плеонастический *-хе-те*, причём выбор между ними в общем случае является свободным и определяется стилистически или индивидуальными предпочтениями говорящих (ср. Таов 1967: 18–19). Нижеследующие примеры иллюстрируют все три случая.

адыгейский литературный язык

(4) Алп шы лъэпкъхэм быбын альэкIыщтыгъэ.

alp=šə=лeрq-хе-т *bəbə-n* *a-лeč'ə-š'tə-кe.*
альп=лошадь=порода-PL-OBL лететь-ПОТ 3PL.ERG-МОЧЬ-IPF-PST

‘Лошади породы альп могли летать.’ (НС: 50)

(5) Шы лъабжьэмэ къачIэзырэ етIэ такьырышхохэр

šə=лаbže-me *q-a-č'e-zə-re* *jeje=taqəřə=šx^we-хе-г*
лошадь=лапа-ERG.PL DIR-3PL.IO-LOC-падать-DYN земля=кусок=большой-PL-ABS

‘вылетающие из-под лошадиных копыт большие куски земли’ (НС: 50)

(6) хьэкIэщы дэпкъхэмэ рекIокIэу

heč'eš'ə=деpq-хе-те *r-je-k^we-č'-ew*
кунацкая=стена-PL-OBL LOC-DAT-ИДТИ-ВДОЛЬ-ADV

‘вдоль стен кунацкой’ (ТК: 195)

В текстах, представленных в интернете, также широко представлены все три варианта косвенного падежа множественного числа; при этом вполне предсказуемым образом плеонастический вариант наименее частотен, а из двух оставшихся вариантов агглютинативный *-хе-т* оказывается предпочтительным при неодушевлённых именах, а кумулятивный *-те* — при одушевлённых⁶.

Таким образом, реальный облик адыгейской падежной парадигмы оказывается сложнее представленного в табл. 2, ср. табл. 3.

Таблица 3. Парадигма адыгейского нарицательного существительного («определённое» склонение)

	SG	PL
ABS	<i>-г</i>	<i>-хе-г</i>
OBL	<i>-т</i>	<i>-хе-т, -те, -хе-те</i>
INS	<i>-т-č'e</i>	<i>-хе-т-č'e</i>

Такая парадигма, казалось бы, отличающаяся от «идеальной» лишь в одной конкретной клетке, тем не менее, представляет целый ряд проблем описательного и особенно теоретического характера. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Во-первых, само наличие в агглютинативной парадигме единичной кумулятивной морфемы является отклонением от принципа единообразия структуры парадигмы, в той или иной мере эксплицитно присутствующего в большинстве морфологических теорий

⁶ Ср. следующие данные поисковой системы Google на 10.08.2013: ‘человек:PL.OBL’: *цIыфхэм* 54, *цIыфмэ* 64, *цIыфхэмэ* 26; ‘парень:PL.OBL’: *кIалэхэм* 30, *кIалэмэ* 90, *кIалэхэмэ* 3; ‘день:PL.OBL’: *мафэхэм* 48, *мафэмэ* 12, *мафэхэмэ* 4; ‘дело:PL.OBL’: *лофхэм* 39, *лофмэ* 14, *лофхэмэ* 4. По двустороннему критерию Фишера различие между одушевлёнными и неодушевлёнными именами в частотности форм на *-хэм* и на *-мэ* является статистически весьма существенным ($p < 0.0001$), хотя очевидно, что двух пар лексем недостаточно для сколько-нибудь надёжных выводов.

Разумеется, существующие морфологические теории обладают достаточно мощным аппаратом для того, чтобы описать выражение косвенного падежа множественного числа в адыгейском языке, однако сама по себе необходимость прибегать к разного рода механистическим ухищрениям говорит о нетривиальности эмпирических фактов.

Ситуация дополнительно осложняется тем, что вариативность в выражении комбинации граммем *obl,pl* не распространяется на инструменталис множественного числа, который, казалось бы, должен образовываться простым присоединением окончания *-č'e* к форме косвенного падежа: форм *ins,pl* на **-me-č'e* или **-xe-me-č'e* не существует. Таким образом, если для «идеальной» парадигмы достаточно было бы правила образования инструменталиса в (11), то для описания реального положения дел необходимо либо дополнить его формальным ограничением вроде (12а), либо наложить дополнительные условия на правила образования косвенного падежа, ссылающиеся на контекст как множественного числа («слева»), так и инструменталиса («справа») (12b)⁷.

$$(11) \{case:ins\}(L) = \{case:obl\}(L) + \check{c}'e$$

$$(12) a. \{case:ins\}(L) = \{case:obl\}(L) + \check{c}'e / \{case:obl\}(L) = stem + m$$

$$b. \{case:obl\}(L) = stem_L + m / num:pl \text{ ___ } case:ins$$

Обсуждавшийся здесь материал необходимо дополнить данными склонения указательных местоимений, которые также демонстрируют нетривиальные особенности. Во-первых, в форме косвенного падежа единственного числа указательные местоимения имеют особый показатель *-š' <-щ>* (в ряде говоров также *-j*), который обязательно употребляется вместо регулярного *-m*. Тем самым, здесь мы имеем дело с очередным случаем кумуляции, правда, более простым, чем рассмотренный выше; он описывается правилом (13).

$$(13) \{num:sg, case:obl\}(L | L \in dem) = stem_L + \check{s}'$$

Во множественном числе указательные местоимения склоняются так же, как обычные существительные, за исключением того, что в них окончание косвенного падежа *-me* никогда не употребляется само по себе, без предшествующего ему показателя множественного числа *-xe*. Иными словами, к указательным местоимениям неприменимо правило (7). Пример парадигмы склонения местоимения 'тот' в литературном адыгейском языке приведён в табл. 4.

Таблица 4. Парадигма адыгейского указательного местоимения

	SG	PL
ABS	<i>a-r</i> (ар)	<i>a-xe-r</i> (ахэр)
OBL	<i>a-š'</i> (аш)	<i>a-xe-m, a-xe-me</i> (ахэм, ахэмэ)
INS	<i>a-š'-č'e</i> (ашкIэ)	<i>a-xe-m-č'e</i> (ахэмкIэ)

Стоит отметить, что облик формы инструменталиса единственного числа указательных местоимений наглядно доказывает, что данный падеж образуется именно

⁷ Дополнительные данные, связанные с образованием координативных форм с суффиксом *-re* (об особенностях их взаимодействия с падежными показателями см., например, Ершова 2011), в которых из трёх вариантов формы *obl,pl* также допускается лишь агглютинативная форма на *-xe-m* (ср. *цыф-хэ-м-рэ джынэ-хэ-м-рэ* человек-PL-OBL-COORD дух-PL-OBL-COORD 'люди и духи'), скорее говорят в пользу правила (12а). С другой стороны, возможно, что на появление суффикса *-me* накладывается ограничение, связанное с границей словоформы: по-видимому, он допускается лишь абсолютном её конце и заменяется на агглютинативное выражение при добавлении справа каких-либо аффиксов.

от формы косвенного падежа, а не присоединяется к гипотетическому показателю определённости *-m*.⁸

Таким образом, адыгейское именное склонение, несмотря на кажущуюся простоту и прозрачность, демонстрирует целый ряд нетривиальных явлений, с трудом поддающихся непротиворечивому описанию в рамках современных морфологических теорий. В первую очередь это связано с парадоксальным статусом показателя *-me*, который ведёт себя одновременно и как кумулятивный, и как агглютинативный, а его факультативность создаёт в единственной клетке парадигмы типологически и теоретически нетривиальный случай морфологической вариативности.

3. КОСВЕННАЯ ОСНОВА УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В КАБАРДИНСКОМ

В отличие от адыгейского, в кабардинском языке и его диалектах, насколько мне известно, не представлены явления, подобные рассмотренным в предыдущем разделе, — склонение нарицательных имён полностью соответствует в кабардинском «идеальной» модели. Нетривиально, однако, устройство парадигмы указательных местоимений, представленное для литературного кабардино-черкесского языка в табл. 5, см. Кумахов (ред.) 2006: 119–120.

Таблица 5. Парадигма указательного местоимения
в кабардинском литературном языке

	SG	PL
ABS	<i>a-r</i> (ар)	<i>a-xe-r</i> (ахэр)
OBL	<i>a-bə</i> (абы)	<i>a-xe-m, a-bə-xe-m</i> (ахэм, абыхэм)
INS	<i>a-bə-č'e</i> (абыкIэ)	<i>a-xe-m-č'e, a-bə-xe-m-č'e</i> (ахэмкIэ, абыхэмкIэ)

С одной стороны, парадигма в табл. 5 сходна по структуре с аналогичной адыгейской парадигмой в табл. 4 — лишь в качестве показателя косвенного падежа единственного числа в кабардинском выступает формант *-bə*. Тем не менее, как легко видеть, указанный формант может присутствовать в косвенных формах не только единственного, но и множественного числа. Возникает вопрос о статусе морфемы *-bə* и о том, с какими явлениями, помимо вариативности выражения, мы имеем дело в данной парадигме.

Для единственного числа статус морфемы *-bə* кажется очевидным — она выражает косвенный падеж, являясь единственным его показателем (ср. ниже несколько иную ситуацию в бесленеевском диалекте), ср. морфологическое правило (14).

$$(14) \{ \text{num:sg, case:obl} \} (L | L \in \text{dem}) = \text{stem}_L + bə$$

Экстраполировать правило (14) на множественное число, однако, тривиальным образом невозможно, поскольку в конъюнкции с правилом о порядке присоединения показателей числа и падежа (14) давало бы несуществующие формы типа **a-xe-bə*. Действительно, в формах типа *a-bə-xe-m* значение косвенного падежа, очевидно, выражено дважды (явление множественного выражения грамматического значения, extended

⁸ Отмечаемые наряду с формами типа *a-š'-č'e* также формы без показателя косвенного падежа: *a-č'e* 'туда' (ср. Гишев 2008б: 51) — по-видимому, лексикализованы в пространственном значении и могут синхронно не рассматриваться как падежные.

exponence, ср. Matthews 1972: 82) — один раз стандартным показателем косвенного падежа *-m* справа от окончания множественного числа, и второй раз показателем *-bə* слева от окончания множественного числа и в нарушение общего для всех адыгских языков порядка следования показателей числа и падежа. Один из возможных способов описания такого поведения кабардинских указательных местоимений множественного числа — постулировать, что в качестве основы косвенного падежа множественного числа берётся форма косвенного падежа единственного числа, ср. (15). Разумеется, данное правило должно быть факультативным, чтобы допускать образование регулярных форм типа *a-xe-m*.

- (15) a. {num:pl}(L) = stem_L+xe
 b. {num:pl}(L | L ∈ dem) = {num:sg, case:obl}(L)+xe / {case:obl} ____

Тем самым, в литературном кабардинском языке мы имеем дело с довольно нетривиальным типом «двухосновного» склонения, когда один и тот же показатель косвенной основы (в единственном числе «по совместительству» выражающий собственно значение косвенного падежа) выступает в косвенных падежах обоих чисел, и при этом показатель самого множественного числа одинаков для всех падежей, ср. схему (16). Насколько можно судить, такая модель склонения не была отмечена в дагестанских языках (из рассмотренных в работе Кибрик 2003 моделей ближе всего к обсуждаемой здесь лакская модель с «чистой (нечисловой) косвенной основой», там же: 218–219), и тем самым, кабардинские данные служат дополнением к типологии двухосновного склонения в северокавказских языках⁹.

- (16) AbsSg ← корень → AbsPl
 ↓
 OblSg = Obl → OblPl

Почтительно сопоставить парадигму указательных местоимений литературного кабардино-черкесского языка с аналогичной парадигмой в бесленеевском диалекте (данные бесленеевского диалекта собраны в ауле Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея в 2011 гг.), ср. табл. 6.

Таблица 6. Парадигма указательного местоимения в бесленеевском диалекте кабардинского языка

	SG	PL
ABS	<i>a-r</i>	<i>a-xe-r, a-bə-xe-r</i>
OBL	<i>a-bə, a-bə-m</i>	<i>a-xe-m, a-bə-xe-m</i>
INS	<i>a-bə-č'e, a-bə-m-č'e</i>	<i>a-xe-m-č'e, a-bə-xe-m-č'e</i>

В отличие от парадигмы литературного языка, где морфологические варианты имелись лишь в формах косвенного и инструментального падежей множественного числа, в бесленеевском диалекте вариативность наблюдается во всех клетках парадигмы, за исключением абсолютива единственного числа. Важнейшим отличием бесленеевской парадигмы от литературной кабардинской является наличие формы OBL,SG *a-bə-m*, в которой к специфически местоименному показателю косвенного падежа *-bə* присоединяется регулярный маркер *-m*¹⁰, и формы ABS,PL *a-bə-xe-r*, где показатель *-bə*

⁹ Подобные парадигмы представлены и в шапсугском диалекте адыгейского языка, ср. формы OBL,PL *a-š'-me, a-š'-xe-me*, см. Керашева 1995/1957: 251–252.

¹⁰ Такие формы отмечаются также в кубанском диалекте, см. Кумахов 1971: 110.

выступает в форме абсолютива. Вариативность склонения бесленеевских указательных местоимений можно более наглядно представить как противопоставление двух типов парадигмы — регулярной, в которой формант *-bə* выполняет функцию показателя косвенного падежа единственного числа, и парадигмы с противопоставлением, которое А. Е. Кибрик (см. Кибрик 2003: 219–221) называет «оппозицией маркированного и немаркированного корня», в которой показатель *-bə* обобщился в качестве маркера основы, выступающей во всех формах, кроме ABS, SG, ср. табл. 7.

Таблица 7. Парадигма указательного местоимения в бесленеевском диалекте кабардинского языка (модифицированное представление)

	регулярная		с маркированным корнем	
	SG	PL	SG	PL
ABS	<i>a-r</i>	<i>a-xe-r</i>	<i>a-r</i>	<i>a-bə-xe-r</i>
OBL	<i>a-bə</i>	<i>a-xe-m</i>	<i>a-bə-m</i>	<i>a-bə-xe-m</i>
INS	<i>a-bə-č'e</i>	<i>a-xe-m-č'e</i>	<i>a-bə-m-č'e</i>	<i>a-bə-xe-m-č'e</i>

Разумеется, здесь не идёт речь о том, что показанные в табл. 7 две парадигмы представлены как таковые в сознании носителей бесленеевского диалекта и чётко противопоставлены — носители владеют полным набором форм обеих парадигм и свободно выбирают ту или иную форму в зависимости от индивидуальных предпочтений или каких-либо пока не изученных особенностей контекста. Тем не менее, идеализированное представление в табл. 7 показывает, что носители диалекта выбирают между вариантами парадигмы, в каком-то смысле более «естественными» и тривиальными, нежели тот, что представлен в литературном языке. Более того, судя по данным интернета, в котором можно обнаружить — с различной частотностью¹¹ — все формы из табл. 6 и 7, литературная кабардино-черкесская система возможно, является скорее конструктором нормализаторов, нежели фактом языковой реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше факты адыгских языков представляются весьма поучительными. Во-первых, они показывают, что даже, казалось бы, вполне агглютинативные парадигмы могут содержать нетривиальные отклонения от аддитивного «идеала». Во-вторых, они демонстрируют, что эти отклонения превращаются в серьёзную описательную и теоретическую проблему, когда накладываются на свободное варьирование — явление, как правило, не принимаемое во внимание теоретиками морфологии. Действительно, сосуществование в адыгейском языке трёх, казалось бы, исключających друг друга способов выражения одной и той же комбинации граммем — косвенного падежа и множественного числа — не может быть простым образом описано в рамках наиболее популярных сейчас формальных подходов к морфологии. Наконец, представленные в кабардино-черкесском языке элементы «двухосновного» склонения указательных местоимений нетривиальным

¹¹ Привести точные статистические данные невозможно из-за омографии ряда кабардино-черкесских форм как с соответствующими адыгейскими, так и со словоформами ряда других языков. Отмечу, что наименее тривиальная форма *абыхэр* отмечена в поисковой системе Google два раза (на 10.08.2013), что же касается формы *абым*, то она отмечена весьма значительное, хотя и не поддающееся точному измерению, число раз.

образом дополняют типологию такого рода парадигматических систем, разработанную на материале дагестанских языков А.Е. Кибриком.

Сокращения

ABS — абсолютив, ADV — адвербиалис, CNV — конверб, COORD — координатив, DAT — дативный преверб, DIR — директивный преверб, DYN — динамичность, ERG — личный показатель ряда эргатива, IO — не прямой объект, IPF — имперфектив, LNK — соединительный элемент, LOC — локативный преверб, NEG — отрицание, OBL — косвенный падеж, PL — множественное число, POSS — посессивность, POT — потенциалис, PR — посессор, PST — прошедшее время, RE — рефактив, REL.FCT — фактивная релятивизация, SG — единственное число

Источники примеров

- НС — Саусэрыкъо щэмыохъум зэрэИэкИкыгъэр. 2007. Нарт къэбархэр. Майкоп: Качество. С. 50–60.
- ТК — КIэращ Тембот. Лыгъэ гъэунэф. 1963. Ны Iущым ыпхъу. Мыекъуапэ: Адыгэ тхылъ тедзапI. С. 194–206.

Литература

- Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. 2009. Введение. Основные сведения об адыгейском языке. Я. Г. Тестелец (ред.), Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ. С. 17–120.
- Гишев Н. Т. 2008а. О составе и названиях адыгских падежей. Н. Т. Гишев. Избранные труды по языкознанию. Майкоп: Качество. С. 152–158.
- Гишев Н. Т. 2008б. К проблеме об определённости-неопределённости. Н. Т. Гишев. Избранные труды по языкознанию. Майкоп: Качество. С. 40–91.
- Ершова К. А. 2011. Групповое оформление именных сочинительных конструкций в адыгейском языке. Д. П. Бак (ред.), Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. VI. М.: РГГУ. С. 195–207.
- Зекох У. С. 1969. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, адыгейское отд-е.
- Керашева З. И. 1995/1957. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Керашева З. И. Избранные труды и статьи. Т. I. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство. С. 193–336. (1-е изд. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957.)
- Кибрик А. Е. 2003. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями. А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя. С. 196–269.
- Куашева Т. Х. 1969. Терские говоры. М. А. Кумахов (ред.), Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик. С. 119–189.
- Кузнецова Ю. Л., Сердобольская Н. В. 2009. Двойное падежное маркирование: уникальный случай адыгейского языка. Я. Г. Тестелец (ред.), Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ. С. 166–200.
- Кумахов М. А. 1969. Кубанский диалект. М. А. Кумахов (ред.), Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик. С. 190–248.

- Кумахов М. А. 1971. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука.
- Кумахов М. А. (ред.) 2006. Кабардино-черкесский язык. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Нальчик: Эль-Фа.
- Ландер А. Ю. 2012. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Диссертация ... кандидата филологических наук. М.: РГГУ.
- Мамрешев К. Т. 1969. Баксанский диалект. М. А. Кумахов (ред.), Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 249–289.
- Погава Г. В., Керашева З. И. 1966. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство.
- Таов Х. Т. 1967. Склонение в адыгских языках в сравнительном аспекте. Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство.
- Халбад Т. Х. 1975. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба.
- Шагиров А. К. 1961. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.
- Шагиров А. К. 2001. О так называемом превратительном, или выделительном, падеже в адыгских языках. Н. С. Бабенко (ред.). Язык: теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС. С. 502–506.
- Bossong G. 1985. Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiraischen Sprachen. Tübingen: Narr.
- Comrie B. 1979. Definite and animate direct objects: A natural class. *Linguistica Silesiana*, Vol. 3. P. 13–21.
- Corbett G. G. 2008. Determining morphosyntactic feature values: The case of case. Corbett G. G., Noonan M. (eds.). *Case and Grammatical Relations. Studies in Honor of Bernard Comrie*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins. P. 1–34.
- Halle M., Marantz A. 1993. Distributed Morphology and the pieces of inflection. K. Hale, S. Keyser (eds.). *The View from Building 20: Essays in Linguistics in Honor of Sylvian Bromberger*. Cambridge (MA): The MIT Press. P. 111–176.
- Kibrik A. E. 1991. Organising principles for nominal paradigms in Daghestanian languages: Comparative and typological observations. Plank F. (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter. P. 255–274.
- Kuipers A. H. 1962. The Circassian nominal paradigm: A contribution to case theory. *Lingua*. Vol. 11. P. 231–248.
- Lander Yu. A., Testeleys Ya. G. 2006. Nouniness and specificity: Circassian and Wakashan. Handout of paper presented at the Conference Universals and Particulars in Parts-of-Speech Systems, University of Amsterdam.
- Mathews P. H. 1972. *Inflectional Morphology: A Theoretical Study Based on Aspects of Latin Verb Conjugation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plank Fr. 1986. Paradigm size, morphological typology, and universal economy. *Folia Linguistica*, Vol. 20. P. 29–48.
- Rhodes R. 1987. Paradigms large and small. *Proceedings of the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley. P. 223–234.
- Smeets R. 1984. *Studies in West Circassian Phonology and Morphology*. Leiden: The Hakuchi Press.
- Stump G. T. 2001. *Inflectional Morphology. A Theory of Paradigm Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thornton A. M. 2012. Overabundance in Italian verb morphology and its interactions with other non-canonical phenomena. Th. Stolz et al. (eds.), *Irregularity in Morphology (and beyond)*. Berlin: Akademie-Verlag. P. 251–269.